

ПОРТРЕТ

Филатов никогда особо не обольщался. Даже в школе, когда, собрав все опубликованное, от «Комсомольца Туркменистана» до столичной «Комсомольской правды», всерьез думал над книгой стихов и переводов: «Страна графоманов — почему не попробовать?» С такой же снисходительностью относился и к литературным опытам знакомых:

— Помню, искренне утешал Высоцкого, когда из одного фильма по идеологическим соображениям выкинули его знаменитую теперь «Охоту на волков»: напиши, советовал, другую песню — какие проблемы?

На Таганке многие писали. Не для потомков, не для публикаций — для застолий, капустников, короче, для друзей. Специально интересовался у актеров Таганки: выражение «мучиться над ролью» к Филатову едва ли применимо. А вот над упомянутой уже сказочкой, попавшей в печать скорее по инициативе журнала, чем автора, именно мучился —

прикрыть шестидесятники — благополучие, карьеру, спокойствие? Но стремящемуся сохранить вкус, достоинство, личность они действительно подставляли и плечо, и спину. Потому и не в одиночестве встретили 80-е. И первую, и вторую их половину.

ГРАЖДАНИН

ТАГАНКИ

В первой половине 80-х и был лишен гражданства Юрий Любимов. Театр возглавил Анатолий Эфрос.

— Анатолий Васильевича могли бы внести в театр на руках, — вспоминает о том времени Филатов, — актеры очень доверчивы, их легко угворить, обмануть, но даже этим чиновники не озаботились. Замечательного режиссера «спустили сверху» — как инструкцию.

При Любимове он, кстати, относился к своего рода «оппозиции»,

акцентировать, поскольку был в них не инициатором, а рядовым исполнителем. Но я все же акцентирую, потому что есть в этом позиция гражданина — добровольно определить себя в рядовые. Когда надо. А когда надо, вызвать огонь на себя.

Как он это сделал на вечере 30-летия «Современника», где прочел стихи о Таганке и обо всем, что с нею связано. На ту же тему выступили и двое других «эмигрантов». Резонанс получился неожиданным громким. Поскольку в те времена отношение к Таганке рассматривалось по критериям благонадежности, то выступление было расценено почти как политический выпад. Последовавший за ним период, называемый Филатовым «месяцем диссидентства», кончился неожиданно. Актер был вызван к одному из руководителей Госкино по поводу съемок в фильме «Чичерин». Вернее, по поводу того, что он, такой-сякой, недостойн играть легендарного наркоиндла. Актер, можно сказать, согласился: «Ну, раз недостойн, сами и играйте!» Подействовало.

— Конечно, этим я разве что сценарий «разноса» поломал, а не сценарий своей судьбы. Видимо, где-то «наверху» и так было решено: простить. И вообще мне историю своих «тягот» как-то неудобно рассказывать — другим пришлось гораздо хуже.

Зато историю тягот своего (опять своего) театра он рассказывает с какой-то бешеной страстью. То и дело вскакивая, куря, как сумасшедший, вытаскивает одну за другой занозы воспоминаний, которым по меркам здравомыслящих людей давно следовало бы быть порости. О неизлечимых ранах, нанесенных чиновниками. О смертельных обидах, доставшихся от друзей. О пощечинах прессы. О собственных ошибках. И мне не приходило в голову спрашивать своего собеседника, зачем ему понадобилось в довольно благополучные времена беречь тяжелое таганское прошлое. Потому что оно — как и настоящее, и будущее — вовсе не роль Филатова, а самая что ни на есть жизнь. Почему и невозможно его вытаскать из таганского контекста.

А что касается «другим быть хуже», так это точно. Потому и радостно, что не все, кто пошел по стопам шестидесятников в самые неблагоприятные годы, были раздавлены, изломаны, искалечены. Что никакие «объективные обстоятельства» не заставили сорокалетнего актера предать честолюбивого ашхабадского парнишку с «прекрасными данными». Что его можно просто уважать без примеси сочувствия и тем более жалости. Живого и почти здорового. Да еще при должности.

Андрей ВАСИЛЬЕВ.

Хозяин положения

Главные и «проходные» роли Леонида ФИЛАТОВА, актера и человека

Должность меняет человека. Часто — почти без его участия. Силами общественного мнения. «Так ты избран или назначен!» — с пристращением допытались у нового секретаря Союза кинематографистов СССР коллеги-актеры...

НАЧАЛЬНИК

Я увидел его в деле через пару недель по вступлении в должность. В эйфории учредительного собрания гильдии киноактеров председательствующий на нем Филатов смотрелся, как в лучших ролях. Ирония. Усы. Достоинство. Костюмчик. Микрофон в небрежной руке... Потом, в частной беседе, он назвал свою «руководящую роль» конферансом. И заодно объяснил, почему согласился представлять от актерской братии в правлении союза: — Хотя несколькими актерам помочь с квартирой, с путевками, с местами в детском садике. Дело святое: ради него можно и популярностью поторгать. А что делать с властью и над кем она, моя власть, ей-богу, не знаю.

Так же, без драматизма отозвался он и о возможности переизбрания. Как об очередной кинороле. Утвердили — играй, отснялся — свободен. Дело привычное: только главных ролей в кино у Филатова добрых три десятка.

КИНОШНИК

— Когда впервые увидел себя на экране, утешался тем, что миллионы людей вообще в кино не снимаются и совсем не грешно последовать их примеру...

Если теперь говорить о популярности Филатова-киноактера, получится скорее очерк нравов, чем рассказ о нем самом: всенародное признание доходит порой до фанатизма. При том, что особой разборчивостью в выборе ролей он никогда не грешил: актерский заработок к тому не располагает. Но несмотря на это, почти всегда есть в филатовских ролях нечто большее, чем техника, удача, внешность. Больше даже, чем «просто талант»: фрагменты судьбы.

Многие помнят его в «Грачах». Своего героя — хладнокровного бандита, убийцу, воплощающего в жизнь (вернее, в смерть) законы джунглей и по тем же звериным законам готового перегрызть горло за «своего» — Филатов вытаскивал на экран из ашхабадского детства. И сумел передать зрителям собственный детский ужас перед такими человеческими особями. Совсем другое — «Экипаж», первый советский фильм-катастрофа, побивший все рекорды зрелищности. Там Филатов — положительный герой с отрицательным обаянием (или наоборот), как рыба в воде чувствующий себя и в диалогах о смысле жизни, и в постели, и на крыле разваливающегося в воздухе самолета. Откуда это? Наверное, из грез того же ашхабадского подростка, стеснявшегося из-за худобы раздеваться на пляже.

Делать кинокарьеру, по филатовской терминологии, «буржуазничать».

— Я потому и буржуазничал, что чувствовал за спиной Театр на Таганке, в который всегда возвращаюсь и который не даст исхалтуриться.

Наверное, это действительно помогло ему не растерять себя в молотилке кинокарьерера. Это и еще один простенький принцип:

— В подлых фильмах старался не участвовать.

А в остальном... Не меняя походки, голоса, ни разу, кажется, не сбывая усов, он меняет амплуа с легкостью необыкновенной. Что дает мне право без какой-либо подготовки сменить амплуа Филатову — герою этого материала.

ЛИТЕРАТОР

Не в обиду позапрошлогодним ролям будет сказано, но главная удача Филатова-87 — литературная. Умная и смешная, лубочная и очень современная стихотворная сказка «Про Федота-стрельца, удалого молодца» произвела сенсацию. Помню, знакомый критик, в энциклопедии перечитывая ее в журнале «Юность», с некоторым даже отчаянием разводил руками: «Ну нет тут графоманства — что ты будешь делать?!»

Надо сказать, своим дарованием

почти семь лет. И над литературными пародиями корпел неделями. Совсем не загадывая, что они, размноженные от руки, на машинках и ксероксах, заживут независимо от автора жизнью. И тем более не рассчитывая попасть в авторы антологии советской пародии. Однако и это произошло — уже в 88-м. Оказывается, писать для друзей — это не так уж мало. Смотря каких друзей выбрать.

СЕМИДЕСЯТНИК

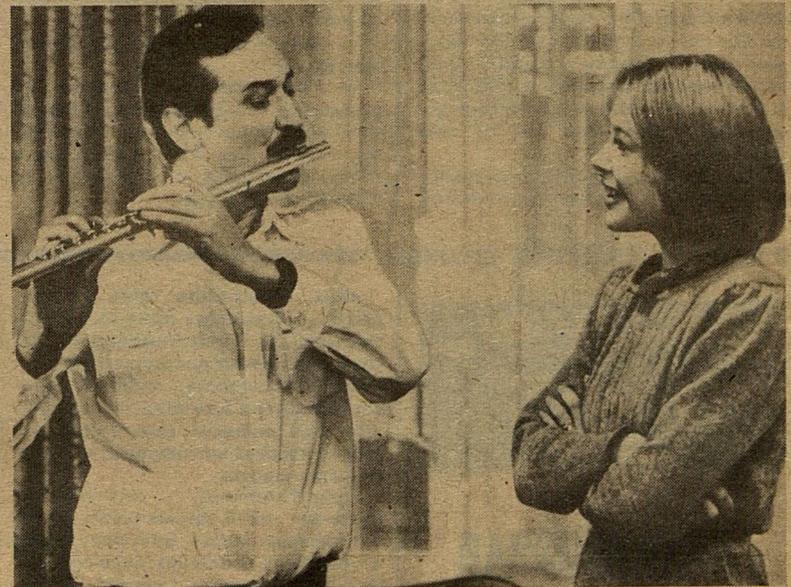
Филатов не из команды родоначальников Таганки. Он пришел сюда после Щукинского театрального училища в 1969-м. Когда его сверстникам, выросшим на проталинах «оттепели», грядущее десятилетие предвещало совсем другие критерии выживания. «Все они таланты, все они красавцы, все они поэты...» — этих молодых людей с «прекрасными данными» жизнь ставила перед жестким выбором: править жизнь по ориентирам недавнего, но уже опального прошлого или действовать по нехитрым инструкциям благополучного настоящего. Второй путь не исключал рационального использования талантов. Жертва требовалась одна: индивидуальность. В фильме «Забывтая мелодия для флейты» он этот вариант проиграл досконально. О чем поет флейта романтического бюрократа — благополучнейшего начальника Управления свободного времени? О погубленной им самим судьбе бывшего музыканта.

В Театре на Таганке индивидуальность всегда была чуть ли не основным критерием профпригодности. Вот почему Филатов благодарен ему не за 12 ролей (что, впрочем, не так уж мало), а за свое рода нравственный иммунитет, рожденный его атмосферой. Общение с общественным художественным театром — Шнитке, Окуджавой, Федором Абрамовым, Трифоном, Параджановым — он называет «прикрытием». Многим в те годы такое «прикрытие» казалось, наоборот, минным полем. Что могли

бесстрашно критикуя Главного на собраниях. Но когда любимовские постановки стали исчезать из репертуара, когда пресса, будто очнувшись от двадцатилетней летаргии, запела Таганке осанну, актер перешел в «Современник»:

— Для меня эта «эмиграция» была единственной возможностью сохранить верность той Таганке, которую помнил и любил. При желании в таком поступке нетрудно отыскать противоречие здравому смыслу. Но патриотизм не та сфера, где правит общественное мнение. Бывает, надо доверять только себе.

Бывает, патриотизм сводится к конкретным делам. Не дать, например, городским властям снести старое здание театра. Отыскать порядочных архитекторов, просидеть с ними несколько дней и ночей над проектом и вынести научно обоснованную резолюцию: «Снести нецелесообразно» — и заставить с нею считаться. Или сражаться с Управлением культуры за восстановление спектакля о Высоцком, отвечая на униительные вопросы: «наш» это Высоцкий или «не наш», а если «наш», то на сколько процентов? Впрочем, на этих эпизодах Филатов просил меня внимание не

Кадр из фильма «Забывтая мелодия для флейты».